

Отважные капитаны

Редьярд Киплинг

ОТВАЖНЫЕ КАПИТАНЫ

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)

*Перевод с английского
Инны Бернштейн, Константина Симонова,
Михаила Лозинского, Григория Кружкова,
Виктора Хинкиса*

Киплинг, Р.

Отважные капитаны. Избранное / Р. Киплинг; [пер. с англ. И. Бернштейн, К. Симонов, М. Лозинский, Г. Кружков, В. Хинкис]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2019. – 314 с.

ISBN 978-5-521-74513-5

В книгу вошли знаменитые «морские» рассказы Редьярда Киплинга, его удивительные стихотворения в переводах русских поэтов и повесть «Отважные капитаны» о пятнадцатилетнем мальчике, сыне богатейшего владельца железных дорог Америки, о несчастьях и лишениях, которые ему пришлось пережить, прежде чем стать настоящим героем морей и вернуться домой совсем другим человеком.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74513-5

© Т8 RUGRAM, 2019
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019
© Перевод. И. Бернштейн, наследники, 2019
© Перевод. К. Симонов, наследники, 2019
© Перевод. М. Лозинский, наследники, 2019
© Перевод. Г. Кружков, наследники, 2019
© Перевод. В. Хинкис, наследники, 2019

ОТВАЖНЫЕ КАПИТАНЫ

ГЛАВА I

Большой пассажирский пароход вздымался и переваливался на волнах Северной Атлантики, сиреной оповещающая о своем приближении рыбацьи шхуны. Кто-то оставил открытой дверь в курительный салон и напустил внутрь холодного тумана.

— Этот мальчишка Чейн совершенно невыносим, — произнес мужчина в бобриковом пальто, со стуком хлопнув дверь. — Пусть убирается отсюда. Нахал.

Седой немец проговорил, кусая бутерброд:

— О, я знай таких мальчишки. В Америка их пруд пруди. Вам нужен импорт розог по сниженным тарифам.

— Дался он вам. Юнец как юнец. Его скорее пожалуй надо, — глядя в мокрый иллюминатор, сказал пассажир из Нью-Йорка, растянувшийся во весь рост на диване. — Таскают его из отеля в отель чуть не с самого младенчества. Я нынче утром беседовал с мамашей, приятная такая дама, но с сыном управиться не способна и сама это знает. Везет его в Европу завершать образование.

— Его образование еще не начиналось, — из глубокого кресла в углу заметил пассажир-филадельфиец. — Ему выдают две сотни в месяц на карманные расходы, он сам мне говорил. Пятнадцать лет парню.

— Батюшка — железнодорожный магнат, это так? — спросил немец.

— Так. И еще у него прииски, и лесоразработки, и морские перевозки. Один дом построил себе в Сан-Диего, еще один в Лос-Анджелесе; владеет полудюжиной железных дорог и половиной тихоокеанского лесосплава; а тратить деньги предоставляет жене. Она говорит, Запад вреден для ее здоровья, — лениво продолжал он рас-

сказ. — И разъезжает туда-сюда, с мальчишкой и со своими нервами; я думаю, ищет, чем бы развлечь отпрыска. Флорида, Адирондакские горы, Лейквуд, Хот-Спрингс, Нью-Йорк, и снова здорово по тому же кругу. Пока что парень у нее просто вроде гостиничного мальчика на побегушках. А вот вернется из Европы, тогда задаст всем жару.

— А папаша что, хворый сам — прибрать к рукам сына? — спросил человек в бобрике.

— Папаша деньги гребет. Ему некогда. Через несколько лет спохватится, да поздно. А жаль, потому что в мальчишке, если покопать, много хорошего.

— Розгой, розгой покопать, — проворчал немец.

Дверь снова хлопнула — в салоне появился худой, узкоплечий подросток лет пятнадцати с недокуренной сигаретой, свисающей в углу рта. Лицо у него было, несмотря на юность, нездорово-бледное, и весь облик выражал смесь неуверенности, бравады и дешевого щегольства. Костюм его составляла темно-вишневая вязаная курточка, брюки гольф, красные чулки, спортивные туфли и сдвинутый на затылок красный картуз. Оглядывая компанию, он посвистал сквозь зубы и громко, тонким голосом произнес:

— На море туманище — глаз выколи. И со всех сторон рыбацьи шхуны вякают. Хорошо бы нам переехать которую-нибудь, а? Вот было бы здорово!

— Закрой дверь, Гарвей, — сказал пассажир из Нью-Йорка. — Закрой дверь с той стороны. Тебе тут не место.

— Вы, что ли, меня не пустите? — вызывающе спросил подросток. — По-моему, не вы платили за мой билет,

мистер Мартин. Я имею ровно такое же право здесь находиться, как и всякий другой.

Он взял на столе игральные кости и стал бросать сам с собой — правая рука против левой.

— Господа, скукотища смертная. Может, составим партию в покер?

Ему никто не ответил, и он остался сидеть один, по-пыхивая сигаретой, болтая ногами и барабани по столу довольно грязными пальцами. Потом вытащил из кармана пачку денег и сделал вид, будто пересчитывает.

— Как себя чувствует твоя матушка? — справился один из присутствующих. — Я не видел ее сегодня за завтраком.

— Лежит, наверно, в своей каюте. Ее на море почти все время укачивает. Надо будет дать стюардессе пятнадцать долларов за уход. Я сам по возможности стараюсь к ней не спускаться. Там, когда проходишь мимо буфетной, такой темный угол, всякие чудеса мерещатся. Я, знаете, вообще-то первый раз в океане.

— Можешь не извиняться, Гарвей.

— Кто это извиняется? Я первый раз в океане, господа, и меня только в самом начале слегка помutilo, а больше — нисколько! Не укачивает! — Он, торжествуя, стукнул кулаком по столу и, посплыв палец, снова принялся пересчитывать ассигнации.

— Ты, брат, прямо экспортный товар высшего качества. И заверенные гарантии при тебе, — зевнув, сказал пассажир из Филадельфии. — Смотри поосторожнее, не то вырастет из тебя гордость отечества.

— Сам знаю. Я американец — во-первых, во-вторых и в-последних. И докажу это, как только ступлю на землю Европы. Ф-фу! Сигарета погасла. Не могу курить сено,

которым торгует стюард. У вас ни у кого не найдется при себе настоящего турецкого, господя?

В салон заглянул старший судовой механик, рыжий, улыбающийся и мокрый.

— Эй, Мак! — бодро обратился к нему Гарвей. — Как дела на борту?

— Да более или менее обычно, — серьезным тоном ответил тот. — Молодые, как всегда, вежливы со старшими, и старшие им за это весьма признательны.

В углу хихикнули. Немец открыл портсигар и протянул Гарвею тощую черную сигару.

— Вот что курить, мой молотой друг. Будете попробовать? Йа? Вам доставит большой радость.

Гарвей картинно раскурил неаппетитную сигару, радуясь своему явному успеху во взрослом обществе.

— Такой штуковиной меня с ног не свалишь! — хвастливо произнес он, отдаленно не подозревая, что держит во рту знаменитую убийственную матросскую «пушку».

— А это будем посмотреть, — сказал немец. — Где мы сейчас находимся, мистер Макдональд?

— Можно сказать, на самом бойком месте или поблизости, мистер Шефер. К ночи выйдем на Большую банку. Но уже сейчас продвигаемся в кольце рыбачьей флотилии. С полудня трижды едва не налетели на здешние лодки, и у одного французского барка снесли бушприт. Ювелирное лавирование, как говорится.

— Ну, как сигара, нравится? — спросил немец, видя, что глаза у Гарвея наполнились слезами.

— Отличная. Ароматная, — ответил тот, сжав зубы. — По-моему, мы немного сбавили ход. Пойду взгляну, что показывают приборы.

— Да-да, я тоже советую, — заметил ему вслед немец.

Гарвей едва добрел по мокрой палубе до борта. Ему было очень худо. Но, увидев матроса, который связывал шезлонги, — а ему он тоже успел нахвастать, что морская болезнь его не берет, — он из гордости заставил себя перейти на палубу второго класса, где у кормы была заметная покатость, или погибь, как говорят на море. Вокруг никого не было. Гарвей дотащился до самого края и стал у флагштока, вернее, без сил повис на поручнях. Матросская «пушка» и дрожь пароходного винта выворачивали душу, голову распирало, в глазах плясали искры, тело стало невесомым, а ступни оторвались от настила и, кажется, мотались на ветру. Гарвей потерял сознание и при следующем наклоне палубы вывалился через поручни на покатую кормовую закраину. А потом из тумана накатил серый, широкий девятый вал, подхватил его походя и понес далеко-далеко под ветер; вокруг сомкнулась великая зелень; и Гарвей мирно уснул.

Разбудил его обеденный горн, такие же гудели в летней школе на Адирондакских горах, где он недолгое время учился. Он с трудом вспомнил, что он Гарвей Чейн и что он утонул в просторах Атлантики, но додумать эту мысль до конца не было сил. Потом в ноздри проник незнакомый запах, по спине побежала холодная, липкая дрожь, в горле, переливаясь, плескалась соленая вода. Когда удалось открыть глаза, оказалось, что он все еще находится среди океанских волн, они обступили его серебристыми горами, а он лежит на груде живой рыбы и видит перед собой широкую, вроде бы человеческую спину в синем свитере.